

ный, или паремийный). Для литературоведов далеко не безразличны соображения автора о символических миниатюрах псалтирей (с. 132—133), о гимнографическом жанре (с. 136—138), особенно в связи с сюжетом «Покрова Богоматери», неизвестным Византии, но представляющим Романа Сладкопевца и Андрея Юродивого — героя популярного византийского жития. Имеют определенный интерес и суждения автора о соотношении житийных икон с их литературными источниками (с. 191—194), об эсхатологическом жанре, о книжной геральдике с ее демонологическим характером (с. 209—210), о фольклорной подоснове искусства и др.

XV веку посвящена последняя глава книги, в которой автором убедительно рисуется новая расстановка акцентов в жанровом синтезе, связанная с национальным подъемом после Куликовской битвы. Эпоху Андрея Рублева и Дионисия Г. К. Вагнер связывает с развитием двух начал: индивидуального и государственного (с. 247), он признает преобладание в искусстве образов «психологической умиротворенности», о которых говорил еще Д. С. Лихачевым⁶. Сформулированные в «Заключении» основные выводы — теоретического и исторического плана — позволяют оценить последовательность автора, стремивше-

гося обнаружить объективные черты, свойственные искусству Древней Руси с точки зрения его жанровой природы. Здесь вновь подчеркивается многообразие жанровых форм, их подразделение на символично-догматизирующие, повествовательные и репрезентативные, характерные для каждой жанровой группы свои типы человеческого образа и т. д. Это положение представляется особенно важным, когда мы располагаем различными (обычно считается только по иконографии) изображениями какого-то лица, например Епифания Премудрого (в Житии Сергия Радонежского), Максима Грека (в иконах, фресках, миниатюрах) и др. Очевидно, понимание жанрового предназначения того или другого «условного портрета» позволит правильнее оценить причины их многообразия и их различий, подобно тому как объясняется автором разное воплощение образа апостола Петра (с. 255—256).

Завершение труда Г. К. Вагнера привлекает уверенностью автора в необходимости дальнейшей разработки жанровой структуры и системы древнерусского искусства в целом. Можно надеяться, что эта уверенность ученого будет оправдана не только реальным вкладом искусствоведов, но и литературоведческими исследованиями ближайших лет.

О. А. Белоброва

M. Ballard. La Romanie génoise (XII^e — début du XV^e siècle), I—II. Rome; Genova, 1978 [Bibliothèque des Ecoles françaises d'Athènes et de Rome, fasc. 235. — Atti della Società Ligure di Storia Patria, NS, vol. XVIII (XCII), fasc. 1—2]. 1008 p.

После выхода в свет книги Ф. Тирье о венецианской Романии¹ потребность в подобной монографии, посвященной Романии генуэзской, стала очевидной: ведь экономическое и политическое присутствие лигурийцев на территории Византии и в Восточном Средиземноморье играло ничуть не меньшую роль для этого региона, чем аналогичная деятельность их адриатических соперников. Теперь важная лакуна заполнена основополагающим двухтомным исследованием профессора Реймского университета М. Балара — первой, после труда Гейда, книгой, систематически и полно излагающей большой комплекс фактов и проблем, относящихся к истории пребывания генуэзцев в бассейнах Эгейского и Черного морей. Но дело не только в том, что Балар иначе, чем Гейд или даже Тирье, формулирует задачу своего исследования, и что его и Гейда разделяет целое столетие. Балар не просто обобщил результаты кропотливой исследовательской работы, проведенной за это время, и учел новые публикации источников. Он изменил сам фундамент исследования, заложив в него

большой и совершенно новый материал архивных документов, прежде всего нотариальных актов и счетных книг (массарий) Перы и Каффы, хранящихся в Генуэзском гос. архиве.

Под понятием «Романия», отмечает М. Балар, генуэзцы и венецианцы подразумевали скорее не политическую реальность, а совокупность районов, которые в определенный момент своей истории (когда начиналась итальянская колонизация) составляли часть Византийской империи. Это Балканы, Малая Азия, Эгейда и Черноморье. Потеря Византией ряда территорий не изменила традиционного наименования (с. 6). Однако автор делает одну оговорку: по его мнению, генуэзские фактории Кипра несколько выходят за пределы Романии, принадлежат к иному — ближневосточному направлению торговой активности генуэзцев.

Хронологическими пределами избраны начало XII и начало XV в. Первая дата не требует специального обоснования — это время зарождения прямых контактов Генуи и Византии. Сложнее обстоит дело с нижней границей, не завершающей истории генуэзской Романии (падение Перы относится к 1453 г., Каффы — к 1475 г., Хиоса — к 1566 г.). Безусловно, обилие материала и стремление автора к детальной анализе требовали введения временных ограничений. Однако обоснование того, что в качестве рубежа избрано именно начало XV в., нам кажется

⁶ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1958, с. 93 и сл.

¹ Thiriet F. La Romanie vénitienne au moyen âge. Le développement et l'exploitation du domaine colonial vénitien (XII^e—XV^e siècles). Paris, 1959; 2^e éd. Paris, 1975.

не вполне удачным. В это время, полагает Балар, смуты в Центральной Азии и завоевания Тимура прервали «монгольский торговый путь», по которому более столетия к Черному морю направлялись восточные товары. Во-вторых, в самой Генуе установилась власть французского губернатора Бусико, стремящегося централизовать управление факториями. Наконец, с падением режима Бусико, с 1408—1410 гг., изменяется характер архивных источников (с. 7—8). Некоторые из этих положений не вполне справедливы. Кризис в торговле и обрыв «монгольского торгового пути» произошли еще в середине XIV в., после распада державы ильханов. Вся вторая половина этого века проходила под воздействием этого кризиса, вызванного совокупностью экономических и политических причин². В начале XV в. ситуация, напротив, начала меняться в лучшую сторону, и первая половина XV в. ознаменовалась новым подъемом торговли. Правление Бусико не явилось водоразделом в политике Генуи: ему не удалось добиться реорганизации характера отношений с факториями. Изменение же типов и нарастание объема документальных источников, как нам кажется, происходит дважды: в 70—80-е годы XIV в. (для этого времени в распоряжении исследователя появляются масари Каффы, затем Перы, материалы *Diversorum et Litterarum Archivio Segreto* и др.) и в середине XV в. (с появлением разнообразных документов Банка Сан Джорджо, относящихся к генуэзской Романии). Собственно первое десятилетие XV в. здесь рубежом также не является.

В первой части книги М. Балара («Становление генуэзской Романии») изучается в общем виде вся сеть генуэзских факторий и станций на Понте, в низовьях Дуная, Северном Причерноморье, Малой Азии, Эгейде, причем первая глава этой части посвящена подробному освещению отношений Генуи и Византии. Суть концепции вкратце сводится к следующему. В первой половине XII в. генуэзцы обладали значительными привилегиями в сиро-палестинских городах крестовосцев и активно торговали с Александрией. У них не было особой заинтересованности в связях с Константинополем, где более сильными позициями располагали венецианцы и пизанцы. Убытки, которые Генуя понесла в «святой земле» в 1154 г., и интересе совместной борьбы против Фридриха I Барбароссы привели к сближению ее с Византией, результатом чего был оформленный хрисовулом договор 1155 г. Его главными условиями было предоставление генуэзцам пристани и складов в Константинополе

и снижение до 4% (с 10?) коммерциев с лигурийских купцов. Как показывает Балар, условия договора были реализованы лишь в 1160 г., но первая генуэзская фактория на берегах Босфора просуществовала всего два года и в 1162 г. была разгромлена пизанцами (с. 17—26). Новые договоры 1169 и 1170 г. восстановили права генуэзцев, но не оградили их от эксцессов: в 1170 г. генуэзский квартал Копарион был ограблен и подожжен венецианцами, а в 1182 г. более чем 60-тысячная колония «латинян» на берегу Золотого Рога (в основном генуэзцев и пизанцев) была полностью уничтожена греками в ходе переворота, приведшего на трон Андроника I³. Новый договор был достигнут лишь в 1192 г.

Балар присоединяется к той точке зрения, что хрисовулы 1170 и 1192 гг., дававшие генуэзцам (как ранее венецианцам) право торговать во всех портах империи, исключали при этом возможность захода в Черное море, оставшееся до 1204 г. заповедным бассейном византийцев (с. 28—29 и прим. 44). Это заключение важно в свете возобновившихся попыток вернуться к расширительному толкованию хрисовулов конца XII в.⁴ Новый порядок, установленный венецианцами на проливах после 1204 г., естественно, не устраивал генуэзцев, лишившихся своих позиций в Константинополе. Это толкало генуэзцев на союз с Никейской империей, практическая реализация которого отнюдь не была простым делом: автор хорошо показывает перипетии событий, приведших к Нимфейскому договору 1261 г.⁵ Этот акт, спасший империю от внешне-политического разгрома в 1261—1282 гг., вскоре стал из антивенецианского антивизантийским: императорский фиск потерял большую часть доходов от торговли, византийское купечество было подавлено неравной конкуренцией, а снабжение Константинополя фактически попало в руки иностранцев. Именно за эти 20 лет генуэзцы получили преимущества, обеспечившие им эконо-

³ См. об этом также: Юзбашян К. Н. Классовая борьба в Византии в 1180—1204 гг. и Четвертый крестовый поход. Ереван, 1957 (исследование не известно Балару).

⁴ См.: *Nystazopoulou-Pélékidis M.* Venice et la Mer Noire du XI^e au XV^e siècle. — *Θραυσισηματα*, 1970, 7, p. 19—21 (= Venezia e il Levante fino al secolo XV/Ed. A. Pertusi. Firenze, 1973, vol. I, parte 2); ср.: *Martin M. E.* The first Venetians in the Black Sea. — АП, 1979, 35, p. 111—122; ср.: *Ковалевский М. М.* К ранней истории Азова. — В кн.: Труды XII Археологического съезда в Харькове. М., 1905, т. 2, с. 115.

⁵ К литературе, цитируемой автором по этому поводу, следует добавить статью: *Жаворонков П. И.* Никейская империя и Запад: (Взаимоотношения с государствами Апеннинского полуострова и папством). — ВВ, 1974, 36, с. 100—121.

² Ср.: *Kedar B. Z.* Merchants in crisis. Genoese and Venetian men of affairs and the fourteenth-century depression. New Haven; London, 1976. Кризис второй половины XIV в. всесторонне рассмотрен и самим Баларом во II т. его работы о генуэзской Романии.

мическое господство в Романии. Однако Михаилу VIII, искусному дипломату, опиравшемуся на византийский флот, еще удавалось контролировать лигурийских купцов на территории империи. Лишь начиная с Андроника II Византия оказалась полностью втянутой в фарватер генуэзской политики. Курцольская война (1294—1299), в которой Византия фактически участвовала на стороне Генуи, а затем была покинута своей союзницей, означала провал всей византийской «западной» политики, обнаружила слабость империи, окончательно прервала «византийскую реконкисту в Эгеиде» и свела на нет все усилия Михаила VIII в укреплении морской силы империи. Думается, впрочем, что положение Византии по отношению к генуэзцам не было еще безнадежным в первой половине XIV в. На это указывают факты определенных успехов ромеев на море в третьем десятилетии (они приведены Баларом): 1329 г. — возвращение Хиоса под власть Византии, 1335 г. — отвоевание новым византийским флотом Лесбоса у Доменико Каттанео, 1340 г. — присоединение Фокеи к империи в ходе народного восстания против генуэзцев (с. 69—73). Эти временные успехи были сведены на нет позднее, в ходе гражданской войны в Византии, которая позволила генуэзцам вмешиваться в борьбу соперничавших группировок. Во второй половине XIV в. вместо поддержки Византии в борьбе с османами Генуя способствовала дезорганизации того, что оставалось от империи. В это время генуэзцам удалось добиться полной автономии на территории Византии и создать цепь торговых станций вдоль эгейских и черноморских торговых путей. Однако изолированность этих поселений в условиях османской экспансии усиливала «хрупкость» генуэзской Романии.

Рассмотрев во второй главе способы утверждения генуэзцев в Пере, Каффе и на Хиосе (от императорского пожалования до военного захвата), Балар дает затем, в третьей главе, панорамный обзор генуэзских факторий в Черноморье и Эгеиде в XIV в. По своему типу и устройству эти поселения были маленькими подобиями Генуи, что не удивительно, ибо торговля была для них, как и для Генуи, основой существования. Генуэзские купцы проявляли большой практицизм в изыскании все новых источников прибыли и быстро приспособились к тем условиям торговли, которые возникли во второй половине XIV в., после «закрытия» путей в Тавриз. На смену пряностям, жемчугу, драгоценным металлам и шелковым тканям (предметам караванной торговли) приходят продукты сельского хозяйства и полезные ископаемые причерноморских областей (зерно, воск, квасцы, соль и рыба). Именно изменение структуры генуэзской торговли вызвало рост числа факторий, которые становятся не только пристанями и местами эпизодических торговых сделок в момент прибытия караванов с востока, но и центрами регулярного обмена с той терри-

торией, на которой возникают генуэзские поселения (с. 128—129).

Вторая часть книги Балара озаглавлена «Три великих фактории генуэзцев на Востоке: Каффа, Пера и Хиос». Реконструкция их облика — несомненное достижение автора. Для выяснения этнического состава населения применен демографический анализ данных массарий Каффы и Перы и нотариальных актов, дополненный иными источниками и наблюдениями. В конце XIV в. среди западноевропейского населения Перы и Каффы генуэзцы составляли 85%, на Хиосе — 84%. Остальная часть приходилась преимущественно на жителей итальянских городов Паданской долины и каталонцев. Однако только в Пера латинский элемент был преобладающим. Греки проживали там преимущественно в предместьях — «бургах» и лишь немногие оставались в самом городе. В Каффе греков было более половины, на Хиосе их доля была еще большей. Чрезвычайной пестротой населения отличалась Каффа, где существовала самая значительная армянская колония, трудно дифференцируемая татарско-турецкая группа. Имеются сведения о проживавших здесь русских, черкесах, грузинах, болгарях, куманях, евреях и т. д.

Общеизвестно, что генуэзские фактории были центрами работорговли. Спор идет о ее масштабах и значении. Балар на основе разнообразных источников приводит убедительную статистику. Среди продававшихся в Каффе в 1289/90 г. рабов 44% составляли черкесы, или «зихи», 23 — лазы, 11 — абхазы, 3,5% — куманы. Единичные упоминания имеются о болгарях, русских и венграх. Таким образом, свыше 80% рабов приходилось на жителей Восточного Черноморья. Средний возраст мужчин — 11,3, женщин — 13,9 лет. Однако в конце XIII в. рабы еще в значительной степени оставались лишь «попутным» товаром, их было немного. Расцвет работорговли Каффы начинается с середины XIV в. (увеличение спроса на них в Европе в связи с последствиями «черной смерти» и в Египте). За 11 месяцев 1385/86 г. в Каффе было продано 1365 рабов, т. е. 1,5 тысячи в год. Мужчины составляли 4/5. В самой Каффе постоянно находилось около 530 рабов (2/3 — татары и черкесы). Итак, Каффа являлась центром экспорта рабов (с. 290—302).

Пера в отличие от Каффы была важным транзитным пунктом, а не основным рынком рабов (с. 308). В 1331 г. здесь на продажу было выставлено 515, а в 1402 г. — около 550 рабов. Однако в самом городе, по подсчетам Балара, в середине XIV в. находилось не менее 4 тыс. рабов, т. е. вдвое больше, чем в самой Генуе. Видимо, значительная часть этого количества, предназначавшаяся на вывоз, аккумулировалась в Пера, поступающая сюда не только из Каффы, но и из других генуэзских факторий, находившихся в Ло Копе, Ваги, Трапезунде, Синопе и др. Часть рабов была приобретена вследствие

войн с Византией (например, в 1351 г. — с. 303—304).

На Хиосе с 1359 по 1413 г. в документах зафиксировано лишь 60 контрактов о продаже рабов, причем средний возраст рабов — 20—21 год — значительно выше, чем в черноморских факториях, а цены на них стабильны. Рабы дольше пребывали на острове, они (в отличие от рабов в Каффе) имели христианские имена и использовались для работ на самом острове. Хиос не являлся пунктом международной работорговли. К вопросу о рабах Балар еще раз возвращается во втором томе своего исследования, анализируя их этнический состав, количество, соотношение мужчин и женщин, роль рабов в производстве, цены на них в самой Генуе (с. 785—832).

Одна из наиболее дискуссионных проблем византиноведения — симбиоз народностей и взаимовлияние культур на территории империи. Она особенно сложна для периода «латинских» завоеваний и проникновения на территорию Византии итальянского купечества⁶. Балар рассматривает практически все области контактов и способы сосуществования этносов: условия их быта и территориального размещения, лингвистический обмен, смешанные браки, религиозные контакты, юридические и имущественные права, экономическую роль «восточного» населения в генуэзских факториях, социальную стратификацию и организацию политической власти. Характерна общая тенденция: первоначально существует более или менее четкое размежевание различных этнических групп (особые кварталы в Каффе греков, армян, евреев, латинян; проживание греков в бургах, латинян — в Пере; предоставление латинянам преимущественного права проживания в крепости — на Хиосе в 1346 г.). Затем это деление все более нарушается, и латинское, греческое, татарское и иное население получает возможность обитать практически в любой части города. Балар справедливо подчеркивает, что не национальная сегрегация составляла основу жизни средневековой генуэзской фактории, а соблюдение социального ранга и имущественное положение (с. 314—315).

Характеризуя экономическую роль греческого населения в крупнейших генуэзских факториях, Балар отмечает его занятия ремеслом, мелкой торговлей. Греки Перы и Каффы рекрутировались в качестве моряков на галеры, иногда были наемными воинами-стипендиарями, работниками arsenalov. Среди них — владельцы небольших судов, бо-

гатые банкиры. На Хиосе большая их часть — зависимые крестьяне; там же сохранился и прежний господствующий класс — крупные землевладельцы, ставшие на путь сотрудничества с генуэзцами. Словом, налицо довольно широкий спектр занятий греческого населения и наличие имущественной и социальной неоднородности. Вызывает сомнения лишь одно положение Балара — о том, что греки (равно как и другое «восточное» население) были вовсе отстранены от большой международной торговли, монополизированной итальянцами (с. 338). Известны факты довольно широкого участия греков во внутричерноморской торговле, в связях с Тавризом, в совместных с венецианцами и генуэзцами торговых обществах, в кредитовании торговли и т. д.⁷ Мы бы предложили более осторожную формулировку: греческое купечество играло в этой коммерции подчиненную, но немаловажную роль, активно сотрудничая с более сильным партнером.

Достоинством книги Балара является то, что он рассматривает феномены генуэзской Романии в динамике, в историческом развитии. Рисуя облик генуэзца — делового человека, автор показывает, что в XIII в., когда генуэзские фактории еще не располагали солидными состояниями, преобладал тип купца-путешественника, инвестирующего подчас все свое состояние в торговлю и лично совершающего далекие путешествия за товаром. К середине XIV в. складывается иное положение — возрастает количество постоянно живущего на Востоке купечества, его капиталы создаются не только торговыми прибылями, но и вложением в недвижимость, получением доходов с растущего государственного займа, за счет налоговой эксплуатации местного населения.

Весьма интересны данные о бюджете генуэзских факторий. Во второй половине XIV в. он страдал хроническим дефицитом, главным образом из-за растущих военных расходов и сокращения поступлений от торговли. Текущие расходы Перы в 1390/91 г. равнялись 46 301 иперперу, а в 1402/03 г. — уже 53 246 иперперам, Каффы — 480 847 аспрам и 2691 соммам в 1374/75 г. и 559 291 аспру 7636 соммам в 1386 г. (с. 394—395). Бюджет Маоны Хиоса почти не включал постоянных военных расходов (кроме

⁷ См., например: *Matschke K.-P.* Zum Charakter des byzantinischen Schwarzmeerhandels im 13. bis 15. Jahrhundert. — *Wissenschaftliche Zeitschrift d. Karl-Marx-Universität Leipzig, Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe*, 1970, 19, H. 3, S. 447—458; *Idem.* Fortschritt und Reaktion im 14. Jahrhundert. Berlin, 1971, S. 71—123; *Карпов С. П.* Особенности развития поздневизантийского города-эмпория (Трапезунд в XIII—XV вв.). — *ВО*, 1977, с. 79—106; *Oikonomides N.* Hommes d'affaires grecs et latins à Constantinople (XIII^e—XV^e siècles). Montréal; Paris, 1979.

⁶ Проблема симбиоза в латинских государствах, образовавшихся на византийской территории, широко дискутировалась на XV Международном конгрессе византистов в Афинах, см. подробнее: *Удальцова З. В., Наследова Р. А., Фонкич Б. Л., Банк А. В.* XV Международный конгресс византистов в Афинах. — *ВВ*, 1978, 39, с. 26—28.

снаряжения одной галеры) и отличался большей сбалансированностью. Участие Генуи в крупных военных конфликтах тяжким бременем ложилось на бюджет факторий, иногда ставило их на грань финансовой катастрофы. Особенно дорогостоящим было вооружение дополнительных галер. В 1374 г., например, оснащение одной галеры в Каффе обошлось в 6950 иперперов (с. 449). Высокая стоимость вооружений и большие траты на содержание наемных солдат-стипендиариев приводили к тому, что администрация факторий стремилась всячески сократить постоянный контингент войск и распускать стипендиариев сразу же, как только военная угроза исчезала. Однако во второй половине XIV в., когда во всем Восточном Средиземноморье нарастала османская угроза, а Каффе также приходилось вести войну с соседним Солгатам и быть начеку из-за смут в Орде, всем же факториям надо было бороться с пиратством, условия для сокращения военных расходов существовали лишь эпизодически.

Неминуемым следствием было увеличение общественного долга, что приводило к укреплению могущества финансовой аристократии и усилению имущественной дифференциации. Значительная часть поступлений в бюджет Маоны Хиоса, Перы и Каффы шла на погашение долга и уплату процентов. Финансы генуэзских факторий, заключает Балар, страдали от тех же пороков, что и финансы Генуи (с. 419).

Рассматривая отношения Генуи с ее факториями, Балар доказывает, что Лигурийская республика практически не могла осуществлять над ними прямой контроль. Оперативные решения, касающиеся Романии, в Генуе принимать было крайне трудно из-за отдаленности и разбросанности факторий, быстрых перемен в политической ситуации и сложности налаживания прямого сообщения. Генуя располагала лишь возможностью назначать в метрополии высших чиновников — подеста Перы и консула Каффы и участвовать (совместно с Маоной) в избрании подеста Хиоса. Контроль за их деятельностью фактически осуществлялся *rosteriogi*, при оставлении официальными своих должностей или же при помощи чрезвычайных судебных комиссий синдиков. Однако эта практика не всегда была эффективна, тем более что жалобы на злоупотребления могли подавать в большинстве случаев лишь генуэзцы. Подобная система создавала условия для утверждения широкой автономности крупнейших генуэзских факторий, среди которых во второй половине XIV в. выделяется Каффа — глава генуэзских владений в Черноморье. Отношения между факториями и метрополией не раз наталкивались на сложности и были даже враждебными, когда у власти в Романии и Генуе находились разные группировки (гвельфы и гиббеллины и др.). Попытки маршала Бусико суровыми мерами усилить власть Генуи над факториями натолкнулись на упорное сопротивление

последних, особенно Маоны Хиоса (с. 489—490).

Балару удалось показать наиболее общие причины недовольства своим положением народных масс генуэзских факторий (тяжелые налоги, неравенство фискальных и воинских обязанностей генуэзцев и негенуэзцев, малоэффективность и продажность колониальной администрации, социальные антагонизмы). Но он не рассматривает специально вопроса о народных выступлениях. Отдельные сведения о них разбросаны в тексте книги (на с. 73, 121, 126, 164, 169, 353).

Во втором томе монографии Балара, составляющем третью часть его исследования, детально проанализирована экономическая эксплуатация Романии. Автор выделяет несколько этапов в развитии торгово-предпринимательской деятельности генуэзского купечества.

I. Вторая половина XII в. Масштабы торговли еще довольно ограничены. В 1156—1164 гг. на долю торговли с Константинополем приходится всего лишь 5,65% общего объема зафиксированных в контрактах капиталовложений. Явно преобладают связи с Сирией, Палестиной, Египтом. Некоторая тенденция к подъему коммерции появляется лишь к концу столетия (с. 675—679). В это время торговля с Романией является уделом генуэзской земельной аристократии и формирующейся, еще довольно узкой, прослойки профессионального купечества (с. 506). После периода полного упадка торговли вследствие IV Крестового похода и венецианского застоя в связях с Романией, с 1261 г., после заключения Нимфейского договора, наступает оживление.

II. 1261 г. — середина XIV в. Век интенсивной торговли Генуи со странами Востока через порты Черного моря и по проложенным через державу ильханов караванным путям. К 1275 г. генуэзские инвестиции в торговлю с Романией достигают $\frac{1}{3}$ общего объема капиталовложений, а в 1278—1288 и в 1302—1303 г. — более половины. Подъем продолжается до 1342 г., когда аукцион каратов Перы указывает на ожидаемый товарооборот около 1,5 млн. лир (с. 680—683). До середины XIV в. в финансировании торговли наряду с купеческой олигархией принимают участие почти все слои генуэзского общества. На долю мелких инвестиций (от 1 до 50 лир), составляющих всего лишь 4,3% авансированного капитала, приходится 52,6% от общего количества контрактов (с. 696).

III. Середина XIV — начало XV в. Глубокий кризис в торговле, вызванный распадом державы ильханов, феодальной анархией на Ближнем Востоке, приведшей к прекращению интенсивного и регулярного товарообмена с Востоком. Генуэзская коммерция переориентируется на вывоз не специи и предметов роскоши, а полезных ископаемых и сельскохозяйственных продуктов из черноморского региона. Это было время тяжелой и болезненной перестройки всей структуры ге-

нуэзской торговли. Именно Балар сумел впервые и всесторонне показать всю глубину произошедших перемен и неоднозначность самого понятия «кризис» для генуэзской Романии. Если для Перы он наступил довольно быстро и привел к упадку ее значения, Каффа и Хиос, теснее связанные с аграрной периферией, сумели лучше приспособиться к новым условиям (с. 868). В 1351 г. аукцион каратов Перы дал лишь $\frac{1}{3}$ суммы, полученной в 1342 г., а в 1398 г. — всего $\frac{1}{10}$ (с. 683). В Каффе же и в 1375 г. торговый оборот составлял 1,624 млн. лир и был близок к общему объему генуэзской морской торговли, в том году составившей 2 млн. лир. Его сокращение приходится на период 1376—1387 гг., когда он снижается на 60% вследствие Кюджской войны и конфликта Каффы с Солгатам (с. 684—687). Во второй половине XIV в. завершается начавшийся ранее процесс вытеснения мелких инвестиций из участия в торговле с Романией. Торговля все более «профессионализируется», требую значительных капиталовложений (с. 698—700). В этой связи представляется вполне обоснованной критика Баларом предположений об «индивидуализме» генуэзского купечества. Балар доказывает, что торговые успехи последнего были связаны с экономической солидарностью семейных кланов, хотя Генуя и не знала столь же четко оформленных родственных компаний, какие существовали в Венеции и Тоскане (с. 528—529).

В своем исследовании Балар ставит и важный теоретический вопрос: можно ли деятельность генуэзцев в Романии считать колонизацией, а их поселения — колониями? Заметим, что сами эти термины полисемантичны. Вывод Балара гласит: «Если Романия не может политически рассматриваться как генуэзская колония в современном значении этого термина, торговля Генуи с Романией, безусловно, напоминает формы колониальной эксплуатации» (с. 894). К такому суждению Балара приводит анализ самого характера «колониализации». В генуэзских владениях, например, практически отсутствует *лигурийское* аграрное население. Сами генуэзцы не занимались ни сельскохозяйственным производством, ни рыболовством, ни добычей полезных ископаемых. Их фактории прежде всего посредники в сбыте хлеба, зерна, мастики или квасцов.

Ремесленное производство в факториях также не достигло значительных масштабов: в основном это доработка полуфабрикатов и обслуживание нужд морской торговли (с. 701—715). С середины XIV в. колониальный аспект генуэзской торговли усиливается. Все большее место в ней занимает обмен западноевропейских тканей на сырье и сельскохозяйственные продукты (ср. с. 782). Развивая внутричерноморскую торговлю и укрепляя региональные рынки сбыта, генуэзцы монополизировали снабжение зерном Константинополя (с. 749—768). Впрочем, некоторые продуктовые товары импорти-

ровались генуэзцами в Крым. Это прежде всего вино, оливковое масло, сухие фрукты (с. 842—848). Не подвергая это обстоятельство сомнению, заметим, однако, что Балар не прав в утверждении, что экспорт вин Южного Черноморья в Крым и Тану не имел большого значения (с. 844). Думается, что именно этот экспорт, а не ввоз вин Хиоса или Южной Италии обеспечивал основное потребление итальянских факторий Северного Причерноморья⁸.

В отдельных главах Балар останавливается на проблемах «обеспечения» генуэзской торговли, рассматривая морские перевозки, условия и ритм навигации, формы и методы организации коммерческой деятельности, вопросы денежного обращения. Весьма интересны наблюдения французского ученого над изменением «курсов» основных денежных единиц Романии — византийского гиперпера, каффинского сомма, аспров Крымской Газарии, Трапезундской империи, турецких государств⁹. Полученные выводы затем широко используются Баларом в расчетах величины торгового оборота, оценках стоимости товаров и т. д.

В заключение Балар разбирает отличие генуэзской Романии от Романии венецианской. Венеция в результате IV Крестового похода создала единственную в своем роде заморскую средневековую империю, со строго централизованным управлением и использованием для ее защиты всех средств государства. Генуэзская же Романия осталась совокупностью отдельных рассеянных факторий, политическое объединение которых не было достигнуто в силу слабости Генуэзского государства и значительной роли частной инициативы в создании и поддержании генуэзских факторий и поселений. Генуэзские фактории проводили самостоятельную политику, основываясь на торговом прагматизме (с. 890—892). Верный в своей основе вывод требует, однако, некоторых ограничений. Генуэзские фактории сумели достичь региональной централизации (например, в Газарии — вокруг Каффы, на Хиосе и островах Эгейды). Отсутствие же управляемой из метрополии единой системы колоний было не только слабостью, но и силой

⁸ Ср.: *Карпов С. П.* Особенности развития, с. 96—97, 103; *Bryer A.* The estates of the Empire of Trebizond. — АП, 1979, 35, p. 377—379.

⁹ К приведенной на с. 664—665 литературе об аспрах коминатах следует добавить ряд статей: *Косолава И. В.* Трапезундские аспры и кирманеули с именами Мануила I и Иоанна II Комнинов. — Нумизматика и эпиграфика, 1974, т. XI, с. 129—142; *Gordus A. A., Metcalf D. M.* Non-destructive chemical analysis of the byzantine silver coinage of Trebizond. — АП 1975—1976, 33, p. 28—35; *Kuršan-skis M.* The coinage of the Grand Komnenos Manuel I. — АП, 1979, 35, p. 23—37; *Idem.* Monnaies divisionnaires en argent de l'Empire de Trébizonde. — Revue Numismatique, 1977, 19, p. 103—108.

генуэзской Романии, позволявшей факториям оперативнее реагировать на изменчивую политическую и экономическую ситуацию в тех условиях, когда для связи с Генуей требовались многие месяцы. В случае же глобальных конфликтов (Кьоджская война и т. п.) единство действий Генуи и ее факторий обеспечивалось, причем последние несли тяжелое бремя военных расходов.

Балар справедливо отмечает, что генуэзская Романия, как и венецианская, была важнейшим источником благосостояния для метрополии, что достигалось экономической эксплуатацией Византии и прилегавших к ней территорий. По мнению Балара, упадок Византии, подготовленный пассивным характером византийской торговли в предшествующие эпохи, был в значительной степени связан с деятельностью генуэзских предпринимателей (с. 892—894).

В приложениях к книге Балара имеются списки мер и весов генуэзской Романии, подеста Перы и консулов Каффы, Синопа и Солдайи¹⁰ и другие справочные материалы, включая подробную библиографию. Пользование трудом ученого облегчают многочисленные таблицы, географические карты и планы, графики. Книга снабжена удобным указателем личных имен, топонимов и терминов.

Чтобы по достоинству оценить рецензируемое исследование, надо учесть огромный объем проделанной автором работы в Генуэзском государственном архиве. Им использовано свыше 600 одних только нотариальных регистров — это многие тысячи актов, никогда еще с такой полнотой не вводившихся в научный оборот. Помимо этого Балар изучил финансовые документы архива Antico Comune, протокольные записи канцелярии дожа (Archivio Segreto, Diversorium), массарии Каффы и Перы и другие источники. В монографии учтена новейшая литература, включая ряд работ советских историков (некоторые пропуски отмечались нами выше). Значимость выводов Балара очевидна, притом не только для истории генуэзской Романии, но и для византиноведения в целом. Вполне естественно, что в панорамном и фундаментальном исследовании Балара все проблемы не могли быть разобраны с равной полнотой и всесторонностью. Так, например, при детальном изучении крупнейших факторий мало внимания было уделено небольшим генуэзским поселениям и станциям, созданным целиком на территориях, принадлежащих иностранным правителям и не обладавшим широкой автономией. Остается выяснить, насколько типичны для них те черты, которые Балар устанавливает для Перы или Каффы. В монографии Балара есть небольшая раздел о культурных последствиях для Генуи интенсивных связей

¹⁰ Указания генуэзских официалов с 1380 по 1411 г., иногда расходящиеся с данными Балара, имеются в кн.: *Buon giorno M. L'amministrazione genovese nella «Romania»*. Genova, 1977, p. 331—346.

с византийским Востоком и Северным Причерноморьем. Однако история культуры собственно генуэзской Романии еще ждет своего исследователя. К стати, по этому вопросу уже имеется интересный материал о книжных собраниях¹¹.

Особого внимания заслуживают цифровые данные, полученные в результате кропотливого анализа большой совокупности нотариальных актов и иных источников. При их интерпретации Балар делает многочисленные оговорки относительно условности этих показателей, которые в большинстве своем являются так называемой «естественной» выборкой. Но тогда, может быть, следовало для большей убедительности рассчитать доверительные интервалы, в пределах которых и будут находиться уточненные статистические данные?

Отметим, наконец, некоторые закрашенные в книгу неточности. На с. 106 — опечатка: в 1155 г. правил не Михаил Палеолог, а Мануил I Комнин (ср. верные указания выше, на с. 22—26). С. 135—136: нападение генуэзцев на Трапезунд и поджог ими арсенала Панагет относит не к 1311 г. (ошибочная датировка Я. Фальмерайера) и не к 1306 г. (с. 136, прим. 43), а к 1304 г.¹² Георгий Пахимер в своей «Истории» описывает то же событие под 1304 г.¹³ В 1344 г. генуэзская фактория в Трапезунде располагалась не в Леонтокастроне (с. 137), а в Дальсане¹⁴. К стати, тогда позиции генуэзцев в Трапезунде были прочнее позиций венецианцев в противоположность тому, что утверждает Балар (с. 733)¹⁵. Отнесение греческих рабов в состав группы «рабов балканского региона» (с. 797) не совсем верно: многие из них происходили из азиатских областей Византии, Крыма и Понта, что замечено самим автором.

С. П. Карпов

¹¹ *Airaldi G. Studi e documenti su Genova e l'Oltremare*. Genova, 1974 (III. Libri e cultura di un vescovo di Trebisonda), p. 153—195.

¹² *Μιχαὴλ τοῦ Παναρέτου περὶ τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν*, ἐκδ. Ὁ. Λαμψίδης. — ΑΠ, 22, 1958, с. 63. 20—24.

¹³ См.: *Карпов С. П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1981, с. 93—94.

¹⁴ Территорией Дальсаны генуэзцы владели с 1314 по 1349 г. Она была получена ими по договорам 1314 и 1316 гг. в обмен на Леонтокастрон, где была расположена первоначальная фактория (ASLSP, XIII, p. 514—515, 530—531). Леонтокастрон был возвращен генуэзцам лишь в 1349 г. по соглашению с императором Михаилом Великим Комнином (*Μιχαὴλ τοῦ Παναρέτου*, с. 69.1—4).

¹⁵ В 1344 и 1345 гг., используя нажим на императора, генуэзцы воспрепятствовали строительству венецианских укреплений в городе (*Diplomatarium Veneto-Levantinum, pars I/Ed. G. M. Thomas. Venetiis, 1880, p. 287—289, 330—331; Archivio di Stato di Venezia, Senato, Misti, XXIII, f. 34r —12/IX 1345.*